

О КАРНАВАЛЬНЫХ ИСТОКАХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Питер Брейгель Старший («Мужицкий»), написав в 1559 г. «Битву Масленицы и Поста», показал механизм функционирования европейской культуры и предсказал весь ход ее, а в последние два столетия и всей мировой культуры, развития.

Карнавал исходит своими истоками к архаике, к языческим празднествам, к архетипу «золотого века». В русском языке слово «праздник» этимологически связано с праздностью, бездельем; в украинском языке слово «свято» – с понятием священного; уже это отражает амбивалентность праздника. «Празднество (всякое) – это очень важная **первичная форма** человеческой культуры. ... Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое мирозерцательное содержание» (2, с.13-14). Согласно Фрейдю, при всех отречениях и ограничениях, налагаемых на Я, периодический прорыв запрещений является правилом, как на это указывает установление праздников, которые по сути своей – не что иное, как предложенные законом эксцессы; это чувство освобождения придает им характер веселья. Сатурналии римлян и современный карнавал совпадают в этой своей существенной черте с празднествами примитивных народов, которые обычно завершаются всякого рода распутством при нарушении священнейших законов (11, с.470). Изначальная природа праздника – нарушение табу и жертва как плата за нарушение.

Карнавальная смех, сугубо амбивалентный по своей природе, разрушает всякую иерархию, развенчивает устоявшиеся догмы, инвертирует и снимает оппозиции. Карнавал сближает, объединяет и сочетает священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым. В карнавале как бы воскрешается первобытный хаос, архаическая целостность мировосприятия. «Человек как бы перерождается для новых, чисто человеческих отношений. Отчуждение временно исчезало. Человек возвращался к самому себе и ощущал себя человеком среди людей. И эта подлинная человечность отношений не была только предметом воображения или абстрактной мысли, а реально осуществлялась и переживалась в живом материально-чувственном контакте» (2, с.15).

Важно подчеркнуть инверсионный, «переворачивающий» характер карнавального праздника: язык карнавальных символов не только «упрощает» то, что с официальной стороны поддерживается как высокое и священное; этот язык изначально пародийный. Для карнавала характерна своеобразная логика «обратности», образность «наизнанку», символика постоянных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада, разнообразные виды пародий, передеваний, снижений, упрощений, шутовских увенчаний и развенчаний. Вторая жизнь, второй мир народной культуры строится в определенной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, здесь выстраивается «мир кувырком» (см. 2).

«Мир наоборот» в христианской традиции – это бесовский, языческий мир. Поведение участников карнавала имело вообще откровенно антихристианский и во многих случаях прямо кощунственный характер; важную роль играли при этом как эротика, так и пародирование церковных обрядов. Р.Генон видел в карнавальных праздниках проявление «беспорядка» в полном смысле этого слова. «Во всех праздниках такого рода неизменно присутствует «зловещий» или даже «сатанинский» элемент, причем особенно важно подчеркнуть, что как раз он-то всегда так привлекает человека толпы, так возбуждает его: ведь именно этот элемент больше, чем что бы то ни было, соответствует влечениям «падшего человека» в той мере, в какой они способствуют выявлению самых низших сторон его существа» (5, с.47).

Карнавальная маска, «будто бы призванная скрывать подлинное лицо индивида, на самом деле выставляет напоказ его внутреннюю суть, которую он обычно вынужден скрывать» (там же). Так «ошибочные действия»: оговорки, описки, ошибки памяти и т.п. – обнаруживают, согласно Фрейдю, намерения – против воли субъекта, – которые он старается скрыть, раскрывают истинную природу мотивов и поступков человека.

Карнавал высвобождает подсознание, которое представляет собой, по словам К.Г.Юнга, «безграничную ширь, неслыханно неопределенную, где нет внутреннего и внешнего, верха и низа, здесь или там, моего и твоего, нет добра и зла» (13, с.112). Но карнавал и ставит его в определенные рамки. Карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Карнавал локализован во времени и в пространстве. В нем присутствует сильный игровой элемент, момент замещения – перевода бессознательных, неприемлемых для общества желаний и влечений в приемлемые формы. Он вписывается в традиционный, иерархический порядок и даже легитимирует и стабилизирует его тем, что предоставляет регулируемую отдушину народному недовольству. Разрушение приручено, критика включена в код культуры, в ее саморегулирующееся и динамичное развитие. Однако, «низовая» культура всегда готова перерастить отведенные ей рамки. Всегда имеется готовность к реализации запретных влечений, разрушению всех запретов, ниспровержению «верха».

Становлению новой картины мира предшествует ситуация, названная Бахтиным «карнавализация сознания» – период, когда происходит распространение и усвоение новых представлений и новых смыслов. «Боги» и «демоны» меняются местами.

Бахтин рассмотрел вполне определенный период в истории культуры: период «смены парадигм», ситуацию, которая сложилась на рубеже эпох, на рубеже культур. Он описал не просто смену культурной парадигмы, переход от Средних веков к Новому времени, а ситуацию перехода от традиционного общества к современному, от культуры к цивилизации в шпенглеровском смысле слова.

Культура Нового времени резко отличается не только от всех предыдущих этапов европейской культуры, но и представляет собой уникальное явление в истории мировой культуры вообще.

Р.Генон отмечал, что карнавалы присущи именно традиционным обществам, где они служат отдушиной. Ж.Батай видел истоки европейской демократии (следовательно, и всей современной европейской цивилизации) в карнавале (см. 13, с.192). Европейская цивилизация Нового времени выросла из карнавала, т.е. из отрицания сакральности. Карнавал, будучи порождением и атрибутом традиции, разрушает традицию и сопровождает ее гибель. В этом едва ли не более всего проявляется амбивалентность карнавала. Карнавал перерастает временные рамки и растворяется в повседневности. Поэтому с началом Нового времени он теряет свое значение. Это, своего рода, переросший отведенные ему пространственно-временные рамки, затянувшийся карнавал. Согласно Р.Генону, почти полное исчезновение карнавалов «свидетельствует о том, что разлад вторгся в самый ход существования и стал до такой степени всеобщим, что мы, можно сказать, и в самом деле живем во времена непрерывного зловещего карнавала» (5, с.48).

История средних веков свидетельствует о непрерывной, ведущейся на протяжении многих столетий борьбе христианского морального сознания против карнавалового мировоззрения.

Возрождение связано с «низовой» народной культурой. В ставших своего рода манифестами эпохи произведениях, таких как «Декамерон» Дж.Боккаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф.Рабле сознательно эпатировались и принижались христианские моральные нормы. В литературе стали прославлять похоть, пьянство, обжорство, ловкачество и т. п. и высмеивать высокие устремления души, особенно аскетизм, главным «антигероем» эпохи стал монах. Внушалась идея, что все, присущее человеку по его природе, прекрасно, свято и достойно восхищения, а то, что считает святостью христианство, есть ложная святость. Вместе с тем культура Возрождения оставалась культурой христианской. «Антихристианский» в определенном смысле Ренессанс как бы сосуществовал с католичеством.

В эпоху Просвещения секуляризация и десакрализация носили вполне осознанный и целенаправленный характер. Просвещение стремилось дискредитировать церковь и христианское вероучение как реалии, несовместимые с разумом. На мыслителей эпохи Просвещения значительное влияние оказал Б.Мандевиль своей «Басней о пчелах». Его основное положение, что пороки служат общему благу, было некоторым образом тайной статьёй Просвещения, которая редко употреблялась, но никогда не забывалась (см. 10, с.104).

Один из образов карнавальской культуры – человеческое тело, метафора материально-праздничной стихии. В коллективном теле заключалась жизненная сила и выражалась идея естественности существования. Карнавал включает в себе, помимо идеального, утилитарный, телесный план культуры, символизируя тем самым ее единство; если в эпоху средних веков карнавал выполнял роль синтеза религиозной культуры и культуры материальной, то начиная с Нового времени он постепенно уступал свои позиции, утрачивая тем самым свое изначальное культурное предназначение (см. 7). Материальные цели тоже имеют своим источником «низ», они стихийны, не требуют для своего определения каких-либо изысканий. Индивидуализм, приоритет телесных потребностей над духовными – идейная основа становления капитализма. Возобладала массовая культура как культура «низа» и культура «низа» как материальный интерес.

Не случайно идеальной сценой для карнавальных и юродских представлений была рыночная площадь. Реалии рыночной экономики – это во многом подчеркнуто игровые реалии – «игры обмена», по Ф.Броделю. В западном обществе рынок является единственным местом, где личность или сообщество может преследовать свои частные интересы. Рынок ориентирует субъекта на выполнение единой для всех функции и тем подчиняет его поведение неким авторитетным императивам. Строго говоря, никаких других императивов поведения в обществе «западного» типа нет, оно не предполагает конкретных предписаний и запретов (что создает достаточно устойчивые посылки для эрозии норм морали и права). Рынок, очевидно, является тем единственным образом жизни, при котором «западное» общество вообще возможно (6, с.8-9).

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. <...> Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения» (8, с.426-427).

Ницше заявил: «Бог умер! Вы его убийцы, но дело в том, что вы даже не отдаёте себе в этом отчета».

В истории западного общества всегда имела место диалектика высвобождения и сдерживания. Великие исторические религии Запада были религиями сдерживания. Современная культура фактически вступила в связь с демоническим. Но вместо того, чтобы обуздывать его, как это стремилась делать религия, модернистская культура начала усваивать демоническое, исследовать его, упиваться им и рассматривать его (правомерно) как источник определенного вида творчества (см. 4, с. 57).

Массовая культура культивирует зрелищность и развлекательность, не требует от человека затрат душевной и умственной энергии, проникнута чувственным началом, стремлением к чувственным удовольствиям, зачастую обращается не к сознанию, а к подсознанию, эксплуатирует агрессивные влечения и сексуальность, что генетически роднит ее с «низовой» народной культурой.

Средневековой культуре присущ принцип персонализма – предписывалось видеть в человеке неделимую целостность, личность, замкнутый микроуниверсум, который способен различать добро и зло, внимать голосу разума, а не страстей. Личность в современной культуре, несмотря на господство индивидуализма, теряет свою целостность. Уже человеку Возрождения присущи расколотовость души, соединение «высокого» и

«низкого», духа и плоти, христианского и языческого. Фрейд показал, что личность состоит из трех самостоятельных, хотя и взаимосвязанных структур. Современные исследователи констатируют исчезновение тождества личности (поскольку в каждом тысяча лиц в зависимости от обстоятельств). Мы погружены в поиски тождества – множественность, что окружает нас, присуща и нашему «Я»: калейдоскопическому, функционально зависимому от того, каковы обстоятельства (9, с.17).

Карнавал амбивалентен: он, умерщвляя, рождает, уничтожая, обновляет, снижая, возвышает. Положительный полюс, говоря словами Бахтина, отпал. В буржуазном обществе была реализована только одна сторона карнавализации жизни, карнавал оказался растворенным в рынке и демократии. Продуктом односторонней культуры стал «одномерный человек». «Игнорирование всего того, что не может быть потреблено (и прежде всего его свободы-незавершенности и его индивидуальности)» (1, с.160). При этом другие стороны, глубинные, сакральные истоки и смысл карнавала остались в тени, забылись, были подавлены. Изначально присущая и подспудно присутствующая в карнавале сакральность была утрачена. Единственно, что остается святого – это собственность. При этом подавлялась, искажалась сама природа человека. Проблема отчуждения человека в буржуазном обществе неоднократно и с разных сторон рассматривалась многочисленными авторами. Но «гони природу в дверь – она влезет в окно». Другие стороны карнавала постоянно напоминали о себе, проявлялись подспудно, порой неожиданно и жестоко. Поскольку «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» (3, с.373).

Карнавальным характером постмодерна, сопоставимость «родовых черт» постмодернизма и средневекового карнавала уже неоднократно отмечались исследователями. Сама культура выступает как шоу, социум – как интегрированный спектакль.

1. Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» //Вопр. философии. – 1992. – № 1.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
4. Белл Д. Щодо великої відбудови: релігія і культура в постіндустріальну добу //Генеза. – 1997. – № 1 (5).
5. Генон Р. О смысле «карнавальных» праздников //Вопр. философии. – 1991. – № 4.
6. Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество //Вопр. философии. – 1991. – № 4.
7. Крылов Т.Ю. Проблема соотношения карнавального и христианского мировоззрения //М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тез. III Саранских международных бахтинских чтений: В 2 ч. – Саранск, 1995. – Ч. 1.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. //Соч. 2-е изд. – Т.4.
9. Моравски С. О различных сторонах постмодернистского философского мышления //Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Научн. информ. сб. Вып. 1. – М., 1999.
10. Субботин А.Л. Бернард Мандевиль. – М., 1986.
11. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я //Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Мн., 1999.
12. Холье Д. Кровавые воскресения //Танатография эроса. – СПб, 1994.
13. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М., 1991.